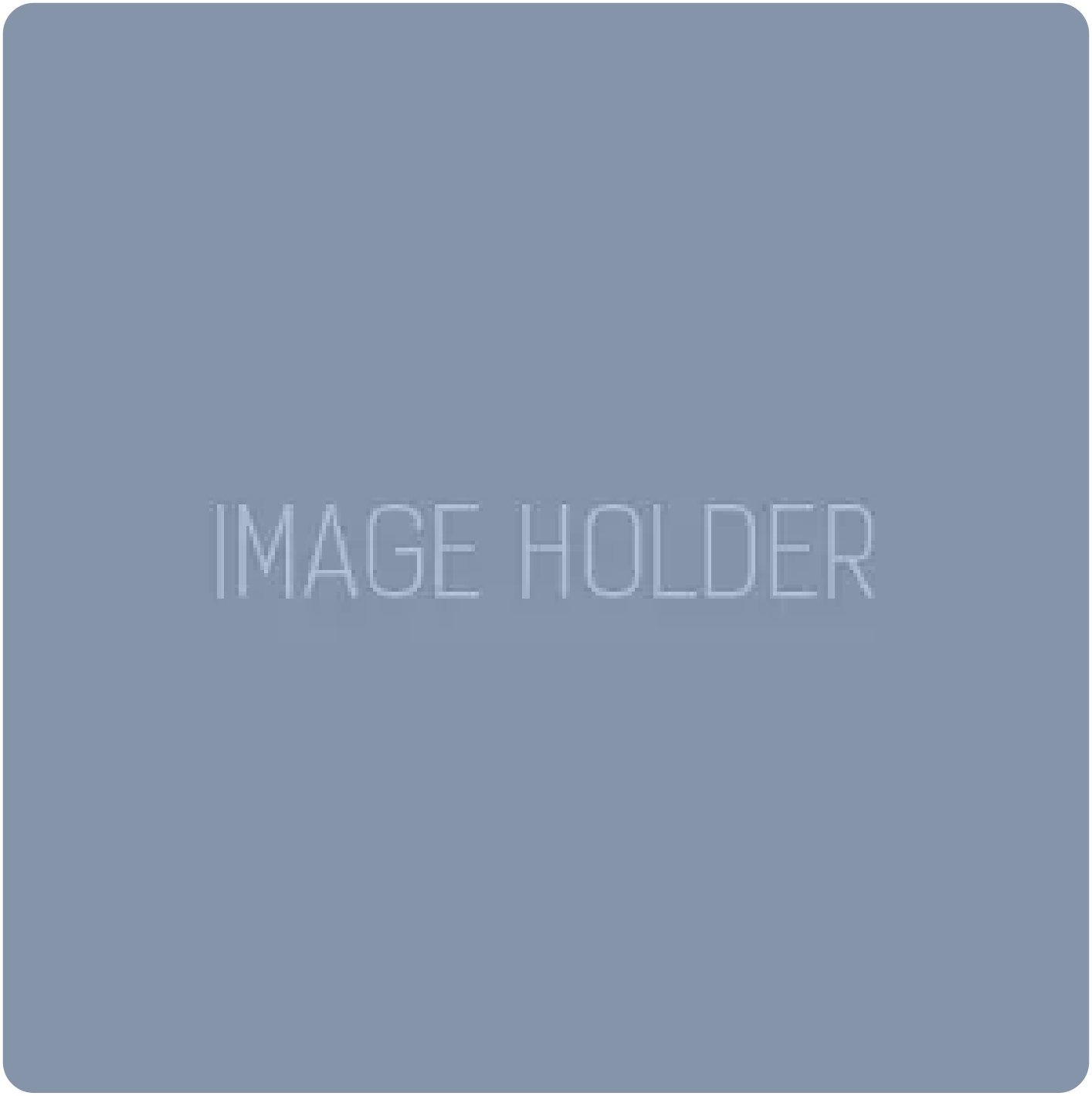

Человек, который остался

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Дмитрий Рыжук

Ссылка на публикацию

Мне было семь, когда отец ушел и больше никогда не возвращался. Мама осталась одна, воспитывая меня в одиночку. Она работала в газетном киоске, содержа нас обоих всего за тринадцать тысяч рублей. На то время казалось, можно было не выживать от зарплаты до зарплаты, а жить, ни в чем не нуждаясь. Я был единственным ребенком в семье, поэтому, быть может, она и не была вынуждена к большим нагрузкам. Так мне казалось, пока я не вырос и не

понял, что это был тяжкий труд. Кроме матери, у меня никого не было. Ни друзей, с которыми я мог бы проводить время, кроме матери. Поскольку я был один, мне доводилось многое узнавать как от мамы, так и от учителей в школе. Я много читал, познавал, старался понять устройство самого себя и мира. Меня всегда тянуло и несло к неизвестному. Как я устроен и как устроена вселенная? Какова моя значимость, насколько я умею понимать и любить? Этими вопросами я задаюсь и по сей день. Я был очень любопытным малым. Я ходил в детский сад, где однажды моя жажда познаний привела меня к действию: я, встав на стул посреди зала, резким движением запрокинутых назад маленьких рук стал падать спиной вниз. Одновременно падая, я осознавал, какой ущерб меня ждет. Каков же будет результат падения на этот твердый, как бетон, пол? Итог: я получил незначительную травму, так и не подозревая, какие могут быть будущие последствия. Травма, которая вскоре переросла в серьезную проблему с дыханием. Я стал дышать реже и чаще. Плюс, астма. И спустя двадцать лет стали первые проявления панических атак, но не думаю, что это из-за того случая. Я, будучи уже взрослым, молодым и современным человеком, живущим вот уже в две тысячи двадцать шестом году. Ничего не изменилось. Я все тот же. Друзей - ноль, семьи нет, дамы сердца - совершенный ноль, лишь большое количество знакомых, и то которых я даже по именам не знаю. В учебное время с одноклассниками не было никаких дружеских отношений, только 'привет - пока'. Единственным другом была моя заботливая и любимая мама. Никогда я еще не испытывал чувства одиночества. Каждый раз, знакомясь с новым обществом, мне не удавалось перерасти из старого знакомого в друга, хотя бы не лучшего. Все эти знакомства, разговоры меня только тревожили и ставили в тупик. Они не приводили меня ни к чему большему. То же самое и с девушками. Их я сочту вообще не упоминать. Даже товарищи, с которыми я служил, не оказывались как таковыми друзьями. Общаясь, я не испытывал никакой дружеской связи. Не то чтобы я не хотел, отнюдь, напротив. У меня никогда не было друзей. Никогда - никогда. Ни-ко-гда. Да что там друзей, хоть бы единственного друга, и того не было. Абсолютно. Один. Помнится, я когда-то хотел остаться одним, будучи одним (глупо и странно, но это так), чего, вероятнее всего, и добился. Я ни в коем случае не жалуюсь. Я повествую. Если покопаться в собственном мозгу, можно кое-что и нарыть, эдакое, что скорейшие сожаления завладеют моей думой. Я всю свою сознательную жизнь отталкивал и избегал людей, уклонялся от каких-либо разговоров и продолжительных общений. Я был настолько тихим и спокойным, что однажды, подойдя ко мне, учитель спросил: 'Представьтесь, пожалуйста! Вы точно с нашего класса? Что-то не припоминаю'. Да, мое окружение, к сожалению, удивлялось моей странности. Я уверен, каждый хоть раз в своем существовании терял кого-то близкого ему человека. Вот и со мной произошло. И не раз, а каждый раз. Потеря за потерей. Раз за разом. Какое-то стечение обстоятельств, которое становилось все непредсказуемее и

невыносимее, что вскоре я и мои переживания от немоты перерастали в страшно-ужасную форму небытия. Я не знал, как быть дальше. Сначала один. Потом другой. Позже еще, еще и еще. Все началось с моей драгоценной опоры, с моим единственным лучиком света, за которым я всюду следовал, - мамы. Сентябрь. Две тысячи пятидесятый. Пятница, шестнадцатое. Это был обыкновенный осенний день с моросящим дождем. Я сидел за написанием новой прозы, как вдруг внутреннее предчувствие, говорящее мне: 'Вторая неделя!'. Чувство тревоги все усиливалось и усиливалось с каждым мною написанным предложением. Отправившись в старую (ныне сдающую) квартиру, где я вырос, надеялся застать ее там. Она сдавалась после того, как я купил новую квартиру и подарил ее ей, а сам я снимал и жил одними переездами, потому что была разъездная работа, и мне не было свойственно покупать. Поэтому моя мама, будучи пенсионеркой, живущая на пенсию и от дохода от сдачи квартир, а также я, ежемесячно помогающий, переводя ей сорок процентов своих средств, (хотя она всегда была этому не рада). В той квартире, где она жила, ее не было. Я, ставший думать, что она решила навестить съемщиков, уже был там. Это была молодая семейная пара с ребенком, которая уже длительное время проживала в ней. Она была в отличном состоянии. Там было все необходимое, в чем только мог нуждаться человек. Комната, которую в юности я называл 'темнушкой', поскольку там не было света, лишь ночник, слабо освещавший всю комнату, только то место, где находилась кровать, жила их сын. Такой же маленький, беззащитный и весьма одинокий в этой темной, точно сам мрак, комнате. Стоя у двери, я постучался и прислушался, но никаких голосов я не расслышал. Ни постороннего шума, ни крика ребенка. Ничего. Тишина. Тогда я подумал: 'Может, куда вышли?'. Как в старой квартире ее не было, так и у нее дома пусто. Выйдя из подъезда, я увидел неизвестный пропущенный номер. Мне сообщили, что мне нужно срочно быть в больнице. От испуга и скованности я растерялся. В течение пятнадцати минут я оказался в одной из больниц города. Время, чтобы добраться до больницы, занимало около получаса. Я так и не понял, как я прибыл туда всего за считаные пятнадцать минут, но это было не столь важно, как то, что я увидел спустя три минуты. Мое частое и резкое дыхание стало еще более частым, от чего у меня закружилась голова и потемнело в глазах. Придя в себя спустя минуту, я, войдя в палату, где находился один из самых родных и близких мне людей - мой лучший товарищ, ангел-хранитель, никогда не осудивший бы меня ни при каких обстоятельствах - моя мама. Тотчас я был в ужасе. Мое тело, дрожа от слабости, превратилось в застывшую намертво статую. Ее тело было бездушным, бездыханным и неподвижным. Глядя на нее, мне казалось, что она все еще дышит. Ее лицо было бледным. И мои глаза отказывались верить в подобное. - Остановка сердца! Мои сожаления! - с горькой горечью в словах проговорил врач. Стоя на одном и том же месте вот уже около часа, я никак не мог это принять. Как ни странно, но мои

глаза ничуть не намокли. Наверное, это было неправильно. Весьма неправильно. Или же до меня еще не дошло осознание. Когда я был мал, ни горе, ни похороны не вызывали у меня такого состояния. Осматривая окружающих, я видел, что их глаза были настолько мокрыми, что если бы собрать все их слезы, вылилась бы целая река соленой жидкости. Трое или четверо суток спустя состоялось прощение. И вот я, уже стоящий у свежей, только что засыпанной сырой землей могилы. Осенний пейзаж, опавшие листья деревьев летели куда-то вдаль по ветру, без всякой надежды и утешения на то, что все будет хорошо. — Все и вправду будет хорошо? — спросил я. — Нет, все будет как прежде, — произнес кто-то. Я же, только что осознавший и отказывавшийся в принятии, стоял и ни о чем не думал. Я не мог рассуждать. У меня не было сил и выбора - верить или нет. Однако и мои слезы стали наворачиваться; они падали на землю, превращаясь будто в капли дождя. Их было так много, моих, и только моих слез, что и вправду образовалась река, постоянно текущая без определенного направления, не имея пути и цели. Прошел год с тех пор, как я потерял ее. Я стал терять и знакомых, и товарищей по службе. Десятки моих знакомых, моих одноклассников, в особенности мой брат - все они ушли. Тихо. Постепенно. Без каких-либо следов жизни. Я чуть было не сошел с ума, или, все же сошел. Я стал очень много думать, загоняться и уходить еще больше в себя. Раньше, когда-то, я мог не думать вообще ни о чем, как мне было угодно. Теперь же мои собственные мысли и размышления являются моей больной думой. Я болен. Я болен. Казалось, это неотъемлемая часть нашей жизни - смерть, но мы так не хотим в эту самую неизвестность. Понимание, что ныне мы живем, а впоследствии нас не станет. Тут вопрос лишь времени. Меня в действительности пугает не сам факт смерти как часть природы, а небытие. И вот, оставшись, как всегда, наедине с собой в размышлениях. В той самой квартире, где когда-то было нескончаемое веселье и радость этого самого ребенка - меня. Где когда-то рос я. Где была лишь безграничная любовь моей вечно драгоценной матери. И где я сам, только что оставшийся, в скором времени уйду. В конечном итоге, будут являться все новые и новые люди, и все также, в круговороте горечи, в свое время уйдут и они. И только пустой взгляд, устремившийся в пустые стены, который так шепчет мне: 'Один. Абсолютно один'. Только я и тишина, давившая меня с пониманием: 'Что бы ни принес мне завтрашний день, - я никогда не буду к этому готов'.